

На самом деле Гу Цинсю был далеко не так спокоен, как могло показаться со стороны.

Феромоны Инь Чжоу всегда обладали для него странной, почти мистической притягательностью. Сейчас же, из-за потери контроля, их аромат стал нестерпимо густым; чем ближе к железе на затылке, тем выше становилась его концентрация.

Юноша, уже не обращая внимания на Гуань Яня, мгновенно переключился на новую цель. Его аура буквально захлестнула Гу Цинсю: тяжелый аромат выдержанного вина, пропитанный острой, режущей враждебностью, давил со всех сторон.

От этого запаха, заполнившего всё естество, в висках мужчины бешено запульсировала кровь. Но чем сильнее возбуждалось и ликовало тело, тем холоднее становился разум, а взгляд — сосредоточеннее.

Вокруг было слишком много людей, и он обязан был держать себя в руках.

Присутствие посторонних помогало Гу Цинсю сдерживаться. Каждый раз, когда его собственные феромоны порывались вырваться из железы, он в почти мазохистском порыве загонял их обратно. В этой отчаянной борьбе с самим собой и в густом аромате красного вина он вдруг ощутил странный, пугающий восторг.

Никто не заметил, что в самой глубине его зрачков разгорается искра азартного возбуждения.

Однако Инь Чжоу под воздействием инстинктов сопротивлялся всё яростнее. В его ауре крепились вызов и угроза, раз за разом нанося удары по самообладанию собеседника.

Тот успешно подавлял инстинкты, но это всё же сказалось на его рассудке. Гу Цинсю понимал: Инь Чжоу нужен достаточно сильный стимул, чтобы он наконец остановился.

И в этот момент в голове вспыхнула шальная мысль. Почти не раздумывая, он успел лишь едва слышно шепнуть:

— Прости.

После чего склонился к чужой шее и вонзил зубы в плоть.

Он не стал кусать в полную силу — всё-таки перед ним был коллега, такой же Альфа. Это не было попыткой оставить метку.

Позже Гу Цинсю оправдывал свой поступок тем, что в тот момент у него просто не было свободных рук, а ситуация требовала немедленных действий.

Но тогда, коснувшись зубами через ткань мягкой и одновременно упругой кожи в районе железы, он испытал странное, ни на что не похожее чувство. В момент укуса ему показалось, будто в горло разом плеснули терпкого красного вина; на секунду сознание помутилось, и он едва не вонзил зубы глубже.

К счастью, слишком бурная реакция Инь Чжоу мгновенно вернула его к реальности. Гу Цинсю тут же зажал ему рот рукой и, обхватив за плечи, вместе с ним опустился на землю.

Подоспевшие Беты застали именно эту картину.

Юноша, который до этого сопротивлялся с нечеловеческой силой, теперь тихо сидел на полу. Его тело обмякло, голова бессильно откинулась на плечо Гу Цинсю, а расширенные зрачки невидяще смотрели в пустоту. Рот ему всё еще закрывала чужая ладонь.

Сам актёр, слегка склонив голову, обнимал Инь Чжоу сзади, скрывая выражение своего лица.

Двое из подошедших вздрогнули и испуганно вскрикнули:

— Учитель Гу, уберите руку! Он же может вас укусить!

С этими словами они присели рядом, намереваясь удержать Инь Чжоу, но к своему удивлению обнаружили, что тот совсем не сопротивляется и даже не пытается напасть.

— Всё в порядке, — негромко отозвался Гу Цинсю.

Он слегка ослабил хватку и, взяв Инь Чжоу за подбородок, осторожно повернул его лицо в сторону, обнажая длинную бледную шею.

— Странно... — пробормотал один из Бет.

Его удивило, что Инь Чжоу так быстро затих. Что же сделал учитель Гу?

Впрочем, расспрашивать он не стал. Вытащив шприц, он ввёл ингибитор прямо в область железы. Острая игла проколола кожу, но юноша даже не вздрогнул.

Если бы Альфа продолжал буйствовать, сделать укол в это место было бы крайне сложно, и пришлось бы искать другие участки тела. Но раз уж Инь Чжоу пришел в себя, инъекция в районе железы была самым эффективным решением.

Один из Бет облегченно вздохнул и принялся внимательно наблюдать за молчаливым Инь Чжоу, замершим в руках Гу Цинсю. Тот не шевелился; когда актёр повернул его голову за подбородок, длинные ресницы юноши мелко задрожали. Хоть лица целиком и не было видно, в его облике сейчас сквозила какая-то... беззащитность?

Этот человек, работавший фотографом на съемках «Героя», нахмурился. Ему показалось, что в этой сцене есть некая странная гармония, и на мгновение у него даже возникло желание запечатлеть этот кадр.

Может, дело было в гриме и костюмах, но они сейчас до боли напоминали Альфу, обнимающего своего Омегу...

Под действием сильнодействующего ингибитора чувства принудительно притупляются. Лицо Инь Чжоу застыло, взгляд оставался опущенным, а губы были плотно сжаты. Он слегка дернулся, и Гу Цинсю тут же разжал объятия.

Инь Чжоу попытался подняться, опираясь на руки, но как только встал, его пошатнуло. Собеседник среагировал мгновенно, подхватив его за локоть.

Юноша замер. Его рука под чужими пальцами заметно напряглась. Не глядя на своего спасителя, он проговорил охрипшим голосом:

— Я в порядке.

Гу Цинсю еще долго не сводил с него глаз, прежде чем медленно отпустить руку.

Инь Чжоу повернулся к остальным сотрудникам:

— Простите, я доставил вам много хлопот.

— О, что вы, пустяки. Как вы себя чувствуете? Может, всё-таки стоит съездить в больницу?

Юноша прислушался к своим ощущениям. Кроме легкой слабости в ногах, его больше ничего не беспокоило.

— Нет необходимости, просто немного отдохну. Как там учитель Гуань?

Они вместе вышли из павильона. Гу Цинсю шел последним, его тяжелый, затаенный взгляд скользил по затылку Инь Чжоу.

Снаружи вокруг Гуань Яня столпилось несколько человек. Ему тоже ввели сильнодействующий

блокатор, и теперь он полулежал в кресле, не в силах унять нервную дрожь.

Линь Юймин, завидев Инь Чжоу, подошел к нему и, незаметно пригнувшись, облегченно выдохнул — запаха вина больше не чувствовалось.

— Пока не подходи к нему, — вполголоса предупредил режиссер.

Инь Чжоу краем глаза заметил, что Гуань Янь демонстративно отвернулся в другую сторону, едва завидев его.

— Со мной всё хорошо. Что с учителем Гуанем? С ним всё в порядке?

Линь Юймин тяжело вздохнул:

— Жить будет. Просто сильная стрессовая реакция. Скорая уже в пути. Хочешь, я отправлю тебя вместе с ним на обследование?

Не успел Инь Чжоу ответить, как со стороны Гуань Яня донесся вопль:

— Я не поеду с ним в одной машине! Где мой помощник?! Быстро ведите меня к моему фургону! Куда этот бездельник провалился в самый ответственный момент?!

На площадке воцарилась гробовая тишина.

Один из сотрудников-Бет робко подал голос:

— Э-э... учитель Гуань, вы разве забыли? Ваш помощник — Альфа, и вы сами только что... ну, выгнали его. Сказали, что не желаете видеть рядом ни одного Альфу...

Даже режиссер не решился подойти к нему близко.

Гуань Янь осекся. После секундного замешательства он снова взорвался:

— А мой гример?! Он-то уж точно не Альфа!

Гример, поспешно семеня к нему с сумкой в руках, отозвался:

— Я здесь, учитель Гуань. Позвольте, я провожу вас.

Под пристальными взглядами всей съемочной группы Гуань Янь поднялся и, опираясь на плечо гримера, поплелся прочь.

Линь Юймин, хмурясь, проводил его взглядом, а затем снова повернулся к Инь Чжоу. Тот, не дожидаясь вопроса, произнес:

— Простите, режиссер Линь. Я сорвал рабочий процесс.

Линь Юймин посмотрел на него и со вздохом произнес:

— Очевидно, что виноваты не только вы. Расскажите мне, что произошло? Чтобы вы вот так внезапно потеряли контроль... Гуань Янь что-то сделал, верно?

Лицо юноши под действием препарата всё еще казалось холодным и бесстрастным. Он криво усмехнулся:

— Причин было несколько. Мой синдром расстройства феромонов вчера немного обострился, железа была чувствительной, но в целом всё было под контролем. Поначалу феромоны учителя Гуаня на меня никак не влияли.

Режиссер кивнул. Он внимательно следил за монитором и видел, что игра Инь Чжоу до определенного момента была безупречной.

— Если бы он просто выпускал феромоны, как того требует сцена, ничего бы не случилось. Но он нацелил их концентрированным ударом прямо на мою железу. Даже будь я полностью здоров, мне пришлось бы с ним серьезно объясниться, а учитывая мою нынешнюю чувствительность... я просто не сумел сдержаться.

— Что?! Он ударил по железе? Но... зачем?! — Линь Юймин не верил своим ушам.

Окружающие тоже застыли в изумлении, переглядываясь между собой.

Гуань Янь, как ни крути, был уважаемым ветераном сцены. Как он мог опуститься до такого? Неужели он настолько гордился своим статусом Альфы? Подобный поступок считался не просто подлым нападением со спины, но и верхом неприличия.

Режиссер помрачнел. Поразмыслив, он произнес:

— Это и впрямь чересчур. Не думал, что он решится на такое на глазах у всех. Вашей вины здесь нет.

— Перед началом съемок Инь Чжоу предупреждал о своём состоянии, — внезапно подал голос Гу Цинсю.

Он произнес всего одну фразу, но всем сразу стало ясно, к чему он клонит. Нападать на чужую железу само по себе дикость, но делать это, зная о проблемах человека — за гранью понимания.

При звуках голоса актёра у Инь Чжоу дернулось веко, но он не шелохнулся.

Линь Юймин согласно кивнул:

— Да, верно. Значит, он повел себя вдвойне недостойно как старший коллега... Ладно, я всё понял. Возвращайтесь сегодня в отель и хорошенько отдохните. Постарайтесь не доводить до осложнений.

— Благодарю, режиссер Линь, — кивнул Инь Чжоу.

— Не меня благодарите, а Гу Цинсю. Честно сказать, я поражен — вы ведь знакомы без году неделя, а он не побоялся броситься на перехват, когда вы потеряли контроль! — в глазах Линь Юймина светилось неподдельное восхищение.

Гу Цинсю посмотрел на Инь Чжоу. Тот, кто до этого момента старательно избегал его взгляда, наконец медленно повернул голову. Их глаза встретились, и в воздухе словно проскочил электрический разряд.

— Спасибо, учитель Гу. Я очень рад, что не успел нанести вам серьезных травм.

Однако взгляд Инь Чжоу красноречиво говорил об обратном:

«Жаль, что я не успел врезать тебе пару раз»

Тот, не сводя с него глубокого, пронзительного взора, тихо ответил:

— Пустяки.

У Линь Юймина было еще полно дел, поэтому, перебросившись парой фраз, он поспешил к продюсерам обсуждать дальнейший график съемок.

Инь Чжоу уже собирался уходить, когда Гу Цинсю перехватил его за запястье.

От прикосновения к коже по телу пробежала волна возбуждения, похожая на удар тока. В

памяти Инь Чжоу мгновенно всплыло ощущение от укуса в шею.

Хоть это и произошло через ткань костюма, его реакция в тот миг была запредельной: все нервы натянулись, как струны, а силы вмиг покинули тело, словно воздух из лопнувшего шарика.

Это было абсолютно новое, пугающее чувство. Железа, ставшая невероятно чувствительной, передавала малейшее движение чужих губ, зубов и даже тепло, проникающее сквозь одежду. Ему даже показалось, что он почувствовал, как чужие феромоны хлестнули прямо по его уязвимому месту.

В то мгновение разум вернулся, но сердце сорвалось в бешеный ритм. Инь Чжоу не мог думать ни о чем, кроме этого прикосновения.

Казалось, противник нащупал его ахиллесову пяту. Он был в предельном напряжении; одна его часть жаждала оттолкнуть наглеца и сойтись с ним в честном бою, но тело отказывалось подчиняться.

Потеря контроля над феромонами вызывала у него гнев, который он еще мог хоть как-то подавить. Но эта потеря контроля над собственными чувствами и телом пробудила в нем небывалое чувство опасности.

— В чём дело?

Гу Цинсю помедлил секунду и отпустил его, при этом кончики его пальцев словно невзначай скользнули по внутренней стороне запястья Инь Чжоу. Юноша невольно сжал кулаки.

— Полагаю, днем съемки продолжатся. Вечером я зайду к тебе в номер, — произнес Гу Цинсю.

Инь Чжоу прищурился, вглядываясь в самую глубину зрачков собеседника. Он даже не осознавал, как сильно напряглось его тело — так напрягается хищник, встретив равного себе врага.

— Что ж, заходи, — бросил он.

Гу Цинсю хотел было добавить что-то еще, но его уже звали сотрудники. Он лишь кивнул Инь Чжоу и зашагал прочь.

Юноша проводил его взглядом, чувствуя, как постепенно расслабляются мышцы. Рассеянно отвечая на вопросы Сяо Ян, он направился в гримерку снимать образ.

Вечером, закончив работу и приведя себя в порядок, Гу Цинсю постучал в дверь номера Инь Чжоу.

Спустя мгновение дверь распахнулась, и не успел он даже разглядеть хозяина, как его бесцеремонно втоптали внутрь.

Мужчина не сопротивлялся, послушно следуя за сильным рывком, пока его с силой не прижали спиной к стене.

Дверь захлопнулась с глухим стуком. В комнате царил полумрак — свет никто не зажигал.

Инь Чжоу плотно прижал предплечье к его горлу чуть выше кадыка, заставляя Гу Цинсю задрать голову.

— Учитель Гу, вы решили самолично явиться за своей порцией тумаков? — проскрежетал зубами юноша.

От давления на горло дыхание Гу Цинсю стало прерывистым, но он по-прежнему не оказывал сопротивления. Из-за сдавленного горла его голос приобрел хриплые, вкрадчивые нотки, звуча при этом удивительно мягко:

— Хочешь укусить в ответ?

Инь Чжоу презрительно фыркнул:

— Много чести!

<http://bllate.org/book/15873/1443147>